

# I.

---

## ШТУРМЪ ВАРШАВЫ

25-ГО И 26-ГО АВГУСТА 1831 ГОДА.

---

Рассказъ очевидца

*(бывшаго личнаго адъютанта графа Толя, впоследствии командующаго войсками Харьковскаго военнаго округа, генераль-адъютанта В. В. фонъ-дербъ-Лаунца).*

---

### ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящее время передъ судилищемъ загробной жизни находятся два лица, князь Паскевичъ и графъ Толь, принимавшіе столь дѣятельное участіе въ новѣйшей военной исторіи Россіи, и о которыхъ, при жизни ихъ, современники судили также пристрастно, какъ и ошибочно. Штурмъ Варшавы былъ послѣднимъ боевымъ событіемъ, въ которомъ лица эти приняли обоюдное участіе и никогда не было высказано болѣе несправедливаго приговора, никогда голосъ правды не молчалъ долѣе, какъ именно въ этомъ многознаменательномъ событіи. Находясь въ весьма близкихъ отношеніяхъ въ этимъ лицамъ, я считаю священнымъ долгомъ, какъ безпристрастный свидѣтель, правдиво и вѣрно изложить это событіе, имѣвшее, въ теченіе долгаго времени, такое значеніе въ глазахъ Европы. Пусть же и рассказъ этотъ будетъ принятъ въ такомъ же смыслѣ.

---

Когда, съ присоединеніемъ войскъ корпусовъ Крейца и Ридигера, исчезъ всякій дальнѣйшій предлогъ въ промедленіяхъ, когда стало слышно неудовольствіе въ арміи, когда недостатокъ въ фуражѣ сдѣлался болѣе чувствительнымъ, а представленія главныхъ военныхъ началь-

никовъ стали вѣстойчивѣе, то фельдмаршалъ графъ Паскевичъ уступилъ, наконецъ, и рѣшился, болѣе по вынужденію, нежели добровольно, штурмовать Варшаву, при первомъ взглядѣ на которую у него вырвалось: «*Mais ils sont fortifiés jusqu'aux dents*» (\*).

Желая, однако, на случай неудачнаго исхода, имѣть возможность сложить съ себя всякую отвѣтственность, фельдмаршалъ, не отдавая еще подлежащихъ приказаній къ приступу, приказалъ, предварительно, собрать военный совѣтъ, въ которомъ приняли участіе Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ, князь Щербатовъ, графы Толь, Паленъ, Виттъ и генералы князь Шаховской, Нейдгартъ, князь Горчаковъ, Денъ и Шильдеръ.

На совѣтѣ фельдмаршаломъ предложены были вопросы: необходимо ли овладѣть Варшавою штурмомъ, и какъ повести дѣло это наилучшимъ образомъ? На первый вопросъ послѣдовалъ единодушный, утвердительный отвѣтъ, относительно же втораго, мнѣнія раздѣлились. Фельдмаршалъ, графъ Толь и генералъ Нейдгартъ хотѣли вести атаку со стороны Мокотова, остальные же, и во главѣ ихъ князь Горчаковъ, предпочитали атаку со стороны Воли. Къ послѣднему мнѣнію, послѣ болѣе тщательнаго разбора карты, присоединился и графъ Толь; фельдмаршалъ же твердо оставался при первомъ своемъ предложеніи, и именно на томъ основаніи, чтобы, въ случаѣ неудачи, имѣть свободный путь отступленія на Ридигера и на мостъ у Гуръ-Кальваріи. Недовольный, однако, этимъ словеснымъ совѣщаніемъ, а, быть можетъ, считая себя недостаточно обезпеченнымъ, фельдмаршалъ потребовалъ письменнаго изложенія мнѣній каждаго. Послѣднія были представлены къ 23-му августа и заключались въ слѣдующемъ. Первое мнѣніе подано было генераломъ Нейдгартомъ, который предлагалъ, чтобы во время демонстраціи со стороны Воли, главными силами повести атаку съ Мокотова. Мнѣніе это тогда не нашло себѣ сторонниковъ и одинъ лишь, прибывшій въ это время, генералъ баронъ Крейцъ, казался отнестися къ нему сочувственно. Второе мнѣніе князя Горчакова состояло въ томъ, чтобы вечеромъ, наканунѣ дѣйствительнаго штурма, сдѣлать двѣ фальшивыя атаки на Мокотовъ и Повоняки, а съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня всѣми силами штурмовать Іерусалимскую заставу. Въ пользу этого мнѣнія рѣшительно высказались генералы Крейцъ, Бистромъ и князь Шаховской. Наконецъ, третье мнѣніе, изложенное графомъ Толемъ, заключалось въ томъ, чтобы, безъ всякихъ демонстрацій, начать дѣло прямо атакою между кадишскимъ и краковскимъ шоссе и занятіемъ Воли, какъ ключа всей системы укрѣпленій, про-

(\*) «Да вѣдь они укрѣпились по горло».

ложить себѣ дорогу въ самый городъ. Къ мнѣнію этому тотчасъ же присоединились Великій Князь и графъ Паленъ, а вслѣдъ затѣмъ графъ Виттъ, князь Щербатовъ и генералъ Денъ. Фельдмаршалъ между тѣмъ, съ своей стороны, не высказалъ никакого мнѣнія и въ тоже время не присоединился ни къ одному изъ вышеприведенныхъ. Когда же, увидѣвъ, что большинство голосовъ и въ особенности Великій Князь высказались въ пользу послѣдняго предложенія, то онъ объявилъ, вполне забывалъ предшествовавшее, что мнѣіе это, составлявшее всегда внутреннее его убѣжденіе, имъ вполне одобряется и будетъ приведено въ исполненіе. Такимъ образомъ, штурмъ Варшавы рѣшенъ былъ на 27-е августа, и съ трудомъ лишь удалось убѣдить фельдмаршала назначить его на 25-е, чтобы предупредить этимъ подкрѣпленіе варшавскаго гарнизона войсками возвращающагося Ромарно. Но, въ ожиданіи законной кары Варшавы, фельдмаршалъ рѣшилъ еще разъ попытаться образумить заблудшійся городъ милостивыми отцовскими словами Монарха. Къ сожалѣнію, слова оскорблѣній, пасмѣшливыя, наглыя требованія, были тѣмъ благодарнымъ отвѣтомъ, съ которымъ, пнсургенты выпроводили нашего парламентаря, генерала Даннебергера.

Итакъ, штыкъ долженъ былъ заговорить тамъ, гдѣ голосъ разума замолкъ!

Армія тронулась вечеромъ, 24-го, и въ роковомъ молчаніи приблизилась къ варшавскимъ укрѣпленіямъ. Согласно отданной диспозиціи, 1-й корпусъ, подъ начальствомъ графа Палена, которому поручена была атака Воли, расположился по обѣимъ сторонамъ калишскаго шоссе, впереди деревни Хржаново; 2-й корпусъ, генерала Крейца, имѣя цѣлью наступленіе между калишскимъ и краковскимъ шоссе, сталъ правѣе перваго у деревни Влохи; рядомъ съ нимъ, въ деревнѣ Раковѣ, расположился отрядъ генерала Муравьева, которому предписано было наступать по краковскому шоссе и занять непріятеля со стороны Раковицы. На лѣвомъ флангѣ сталъ генералъ-лейтенантъ князь Хилковъ съ 1-ю уланскою дивизіею и двумя гусарскими полками 1-й гусарской дивизіи; на правомъ, у Служевца, генералъ-маіоръ Штрандманъ съ лейбъ-гвардіи Гродненскимъ гусарскимъ, казачьимъ Атаманскимъ и двумя пѣхотными полками; его задачей было, помощью демонстрацій, беспокоить пнсургеитовъ со стороны люблинскаго тракта. Связь между нимъ и генераломъ Муравьевымъ поддерживалась легкою гвардейскою кавалерійскою дивизіею генералъ-лейтенанта графа Ностица, которому, въ тоже время, приказано было противодействовать всякому покушенію непріятеля на этой обшир-

пой равнинѣ. Всѣ казачьи полки распределены были на флангахъ арміи, и, занявъ все пространство до берега Вислы, чрезъ Вилланово и Мармонтъ, должны были частыми нападеніями возможно болѣе занимать непріятеля. Двѣ гренадерскія дивизіи и вся гвардейская пѣхота составили резервъ арміи, причемъ первыя были приданы корпусу Палена, а послѣдняя войскамъ генерала Крейца, и расположились непосредственно за этими частями. Восемь кирасирскихъ полковъ и 3-я уланская дивизія, подъ начальствомъ графа Витта, стали также въ резервъ за II корпусомъ. Главная квартира перенесена была въ деревню Влохи.

Итакъ, съ разсвѣтомъ 25-го числа, атака должна была начаться въ вышеприведенномъ порядкѣ и быть открыта огнемъ артилеріи; когда же, вслѣдствіе дѣйствія послѣдней, непріятельская артилерія принуждена будетъ замолкнуть, тогда пѣхота, въ сопровожденіи конной артилеріи и поддерживаемая ся картечнымъ огнемъ, должна была быстро двинуться впередъ на приступъ. Штурмовыя колонны, впереди которыхъ находилось извѣстное число охотниковъ, и въ числѣ ихъ, какъ офицеры, такъ и солдаты гвардіи, были въ мундирахъ, безъ рапцевъ, чтобы этимъ, съ одной стороны, облегчить людей, а съ другой, дать имъ въ рукопашной свалкѣ возможно большее отличіе отъ исургенцовъ (\*). Ровно въ полночь, войска заняли указанныя имъ мѣста. Никакой звукъ не нарушалъ безмолвной тишины ночи; ни одинъ огонекъ не пылалъ подъ сводомъ темно-голубаго, звѣздпаго неба; всѣ сердца готовились къ упорной борьбѣ, между тѣмъ, какъ мятежники, съ своей стороны, предавались беззаботному сну. Какъ только на востокѣ показался блѣдный проблескъ зари, войска, выстроившись, двинулись къ указаннымъ имъ пунктамъ.

Первоначально, фельдмаршалъ находился при первомъ корпусѣ, но вскорѣ, оставивъ при немъ одного графа Толя, направился ко второму корпусу. Заря уже зардѣлась на безоблачномъ горизонтѣ самыми яркими красками, когда артилерія корпуса Палена, подъ начальствомъ генерала Перрена, выѣхала на позицію влѣво отъ деревни Хржаново. Величественъ былъ видъ этихъ 52-хъ огненныхъ жерлъ, изъ которыхъ смерть должна была вскорѣ метать свои чугунныя ядра, стройно выстроенныхъ и подвигавшихся впередъ въ торжественномъ мол-

(\*) Большая часть этихъ распоряженій и въ особенности порядокъ атакъ, были предложены графомъ Толемъ въ памятной запискѣ, представленной имъ 23-го числа; послѣднее можетъ быть тѣмъ положительное подтверждено повѣствователемъ, что, будучи личнымъ адъютантомъ графа, онъ имѣлъ честь переписывать набѣло въ кабинетѣ графа эту записку, составлявшую секретъ.

чаніи, въ сопровожденіи прислуги въ полной формѣ; сзади видны были колонны съ штурмовыми лѣстницами и соломенными фашинами, насаженными на штыки. Въ такомъ-то роковомъ молчаніи подвигалось шествіе, уносившее въ могилу всѣ надежды Варшавы. Въ воздухѣ была мертвая тишь, природа проснулась только въ утренней пѣснѣ жаворонка, въ блеснувшихъ лучахъ восходящаго солнца и, казалось, замерло всякое дыханіе, въ напряженномъ ожиданіи того великаго зрѣлища, которое должно было скоро разыгратъ. Въ это время, будто испуганный крикъ врасплохъ застигнутого часового, раздался первый пушечный выстрѣлъ съ люнета, находившагося впереди Воли, за нимъ послѣдовалъ второй, третій и загремѣла канонада по непріятельской линіи. Не обращая на это никакого вниманія, артиллерія наша подвигалась все молча впередъ на разстояніе до 300 сажень, и тутъ только открыла свой огонь; въ это же время начата была и атака войсками корпуса Крейца. Царившая лишь нѣсколько мгновеній тому мирная тишина смѣнилась дикимъ гудомъ боя, громомъ нѣсколькихъ сотенъ орудій и свистомъ перекрещивавшихся ядеръ и гранатъ. Густой пороховой дымъ и поднявшійся съ измѣненностей туманъ затмили солнце, застилая любопытнымъ взорамъ непріятеля собственныя войска и даже самое небо. Глазъ ничего не могъ разобрать и слухъ одинъ лишь содрогался отъ усиливающегося грохота канонады, которая приближалась все болѣе и болѣе. Но вотъ подулъ съ запада свѣжій вѣтерокъ, солнечные лучи пронзили густую мглу, и вся боевая линія, вся Варшава, со своими башнями и куполами, предстала глазамъ нашимъ въ полномъ блескѣ.

Пользуясь этимъ мгновешемъ, графъ Толъ подѣхалъ къ рядамъ храбрыхъ гренадерскихъ и морскихъ полковъ, и, указывая нетерпѣливымъ солдатамъ на вѣтвистый городъ, сказалъ имъ съ торжествующимъ видомъ: «Ну, вотъ, ребятушки! Варшава ваша!» и радостныя восклицанія выразили ту твердую увѣренность, съ которою приняты были эти слова.

Такъ какъ артиллерія II корпуса (генерала Крейца), дѣйствовавшая противъ двухъ переднихъ редутовъ, расположенныхъ между калишскимъ и краковскимъ шоссе, слабо защищенныхъ далекими и неувѣрными выстрѣлами заднихъ укрѣпленій, легко боролась съ ними и почти уже демонтировала ихъ, то въ началѣ восьмага часа войска Крейца могли двинуться на ихъ приступъ. Для достиженія этой конечной цѣли, пѣхота направлена была двумя колоннами, изъ которыхъ лѣвая, въ составѣ 2-й бригады 10-й и 1-й бригады 11-й пѣхотныхъ дивизій, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта баро-

на Гейсмара, должна была атаковать редутъ, лежавшій влѣво отъ Воли и валийскаго шоссе, въ то время, когда правая, въ составѣ 2-й и 3-й бригадъ 5-й пѣхотной дивизіи, подъ личнымъ начальствомъ генерала Крейца, направлена была на главный редутъ, находившійся между Волей и Раковницами. Какъ только первая колонна приблизилась къ инсургентамъ на ружейный выстрѣлъ, то послѣдніе, не думая защищаться, дали тылъ и кинулись въ близлежащій главный редутъ, куда тотчасъ же направился и генералъ Гейсмаръ, занявъ предварительно редутъ, оставленный непріателемъ. За то тѣмъ упорнѣе было здѣсь сопротивленіе, благодаря тройному ряду волчьихъ ямъ, глубокому палисاديрованному рву и высокому, крутому валу. Но ни эти препятствія, ни крайняя храбрость инсургентовъ не могли остановить штурмующихъ. Генералъ Гейсмаръ, тяжело раненый, долженъ былъ сдать начальство надъ колонною полковнику Липранди. Со знаменемъ въ рукахъ, впереди воодушевленныхъ своихъ солдатъ, онъ первымъ взомелъ на валъ, въ то самое время, какъ съ другой стороны показались Бѣлозерскій и Олопецкій полки и общими силами заняли редутъ.

Къ сожалѣнію, радость первой побѣды не осталась непомянутой. Во время рукопашной схватки, какой то польскій артилерійскій офицеръ старался найти себѣ убѣжище въ пороховомъ погребѣ, и когда, не смотря на всѣ увѣщанія нашихъ солдатъ, онъ не захотѣлъ изъ него выйти, то послѣдніе въ него выстрѣлили. Погребъ загорѣлся и со страшнымъ взрывомъ взлетѣлъ на воздухъ, частью унося съ собою многихъ храбрецовъ, частью тяжело ихъ изранивъ. Оба занятые редуты были тотчасъ же исправлены, вооружены новою артилеріею, такъ какъ найденныя орудія нигуда не годились, и вообще приведены были въ надлежащее оборонительное положеніе.

Между тѣмъ, мѣткіе выстрѣлы батарей I корпуса (графа Палена) прекратили почти уже артилерійскій огонь люнета, находившагося впереди Воли. Пѣхотѣ приказано было двинуться впередъ, артилеріи же сосредоточить огонь свой противъ Воли, чтобы такимъ образомъ отнять у непріателя возможность обстрѣливать наступающія наши колонны и окончательно демонтированный люнетъ. Въ то время какъ отдавалось это приказаніе, получено было извѣстіе о счастливыхъ результатахъ атаки корпуса Крейца, что еще болѣе воодушевило войска, которыя съ опущенными штыками, предводимыя генераломъ Лидерсомъ, ринулись на люнетъ. Два баталіона 3-го и 4-го морскихъ полковъ кинулись па лѣвый фасъ, Ревельскій полкъ обошелъ люнетъ съ тыла, а три баталіона полковъ

принца Вильгельма, принца Карла и 5-го карабинернаго атаквали исходящій уголъ. Сильнѣйшій ружейный огонь, поддержанный артилерійскимъ огнемъ съ Воли, встрѣтилъ наши колонны въ то время, когда, пройдя волчьи ямы, они заняли уже ровъ и начали взбираться на валъ. Сперва солдаты наши попробовали было установить штурмовыя лѣстницы, но средство это показалось имъ черезъ-чуръ медленнымъ и они избрали болѣе простой способъ. Нѣсколько штыковъ, воткнутыхъ въ валъ, составили лѣстницу, которая быстро доводила штурмующихъ до верху. Но многіе молодцы, заслужившіе уже себѣ крестъ чести и съ торжествомъ поднимавшіе свое оружіе, указывая товарищамъ путь во внутренность укрѣпленія, сваливались опять обратно въ глубину рва, со смертоносною пулею въ геройской груди. Между тѣмъ валъ покрывался все большимъ и большимъ числомъ штурмующихъ, наконецъ, показался на немъ поручикъ 4-го морскаго полка Василевъ, размахивавшій саблею среди громкихъ криковъ «ура» и, тогда, не смотря на отчаянное сопротивленіе, лютею былъ занятъ въ одно мгновеніе. Храбрость, рвенію и неустрашимость, съ которыми штурмовали войска, могли быть сравнены лишь съ тѣмъ гордымъ восторгомъ блистательно-выполненнаго дѣла, который можно было прочесть въ глазахъ каждаго, когда графъ Толь, благодаря молодцовъ, обѣщалъ имъ довести до свѣдѣнія возлюбленнаго Монарха, что штыкъ Очакова и Праги еще не забытъ.

Вновь устроенные баталіоны расположены были за люнетомъ съ тѣмъ, чтобы скорѣ доказать и грозной Волѣ, что мужеству русскаго солдата нѣтъ предѣла, если онъ только руководимъ твердою волею и вѣрнымъ взглядомъ. Между тѣмъ, артилерія, лично направленная графомъ Толемъ, выѣхала впередъ возможно ближе и осыпала Волку цѣлою массою своихъ снарядовъ. Мятенники, паходившіеся въ Варшавѣ, казалось, только въ это время поняли предстоящую имъ опасность и начали показываться въ нѣсколькихъ колоннахъ со стороны Маримонта, угрожал нашему лѣвому флангу. Графъ Толь, замѣтя это, послѣшилъ тотчасъ къ уланамъ князя Хилкова и приказалъ имъ двинуться впередъ, а въ случаѣ, если бы непріятель началъ серьезно налегать, то, немедленно, атаковать и отбросить его. Наступила рѣшительная минута.... Медлить нельзя было долѣе и такъ какъ огонь Воли слабѣлъ все болѣе и болѣе, то графъ Толь приказалъ пѣхотѣ идти на штурмъ и, съ цѣлью поддержать ее самымъ дѣйствительнымъ образомъ, установить 16 тяжелыхъ орудій вправо отъ Воли вдоль шоссе, а конную батарею полковника Пасьевича вы-

двинулъ впередъ на полукартечный выстрѣлъ, для обстрѣливанія вала прямо противъ костела.

Подъ этимъ то прикрытіемъ колонны двинулись впередъ. Во второй разъ молодецкіе морскіе полки, имѣя во главѣ храбраго генерала Лидерса, первыми кинулись на сѣверный уголъ вольскихъ укрѣпленій, которыя и заняты были ими въ одно мгновеніе, какъ будто не было ни рва, ни вала.

Съ громкими криками «ура», храбрецы наши захотѣли было тотчасъ же проникнуть во внутренность укрѣпленія, но второй громадный ровъ и валъ останавливали самыя смѣлыя стремленія. Съ бѣшенствомъ кинулся гарнизонъ, чтобы вновь выбить насъ, но, къ счастью, стоявшія внутри укрѣпленія деревья—остатокъ бывшаго сада, дали возможность устоять противъ численнаго превосходства непріятеля. Однако, силы стали изнемогать, рѣдкіе ряды колебались.... Въ это время показались остроленскіе герои Астраханскій и Суворовскій гренадерскіе полки. Съ этихъ поръ, рѣдко раздавался выстрѣлъ—штыкъ одинъ рѣшалъ кровавое дѣло, молча и безъ шума.

Тѣмъ временемъ, по настоянію графа Толя, фельдмаршалъ приказалъ направить часть войскъ корпуса Крейца въ подкрѣпленіе колоннъ, штурмовавшихъ Волю. Вслѣдствіе этого, первая бригада 3-й пѣхотной дивизіи, подъ начальствомъ генерала Берга, направилась въ тылъ вольскихъ укрѣпленій, тогда какъ 11-й егерскій полкъ и бригада Малиновскаго получили приказаніе штурмовать: первый—юго-западный уголъ, а послѣдняя—часть укрѣпленія, расположенную прямо противъ шоссе. Одновременно съ этимъ Сибирскій и Румянцевскій гренадерскіе полки, имѣя въ резервѣ 5-й карабинерный полкъ, направлены были графомъ Палепомъ вдоль самаго шоссе противъ сѣвернаго бастіона. Артиллерія, не имѣя возможности продолжать своей стрѣльбы, во время наступленія штурмующихъ колоннъ, изъ которыхъ нѣкоторыя уже заняли часть вала, была передвинута вправо и влѣво отъ Воли и направлена противъ ближайшихъ къ Варшавѣ укрѣпленій, частью съ цѣлью ихъ обстрѣливать, частью, же чтобы удержать, показавшагося вдали, непріятеля, отъ всякаго покушенія придти на помощь Волѣ. Къ этому времени всѣ колонны уже дошли до рва и началась борьба на жизнь и смерть.

Простоявъ спокойно лишь нѣсколько мгновеній, и старая не терпѣніемъ, храбрые морскіе полки, за ними слѣдомъ полки принца Вильгельма, принца Карла, а рядомъ незнавшіе преградъ астраханцы и суворовцы кинулись на внутренній редутъ. Напрасно непріятель

вызывавалъ самое отчаянное сопротивленіе, самую дикую храбрость; со всѣхъ сторонъ врывались наши колонны—и самая смерть должна была уступить!

Болѣ рѣшительнымъ инсургентамъ удалось, однако, кинуться въ послѣднее убѣжище, въ каменный костель, который, окруженный палисадированнымъ ровомъ и высокимъ валомъ, обращенъ былъ въ крѣпкій блокгаузъ. Градомъ сыпались непріятельскія пули съ колокольни и съ унизанной бойницами стѣны. Но валъ былъ уже занятъ Сибирскими гренадерами, двери костела разлетѣлись и у алтаря палъ подъ штыками польскій предводитель Совинскій, а съ нимъ вмѣстѣ и гордая Воля. На городскихъ часахъ пробило одиннадцать.

Среди самыхъ блистательныхъ воспоминаній русской военной исторіи блистаетъ штурмъ Воли. Инсургенты, сознавая всю важность этого пункта, отъ обладанія которымъ зависѣла участь Варшавы, прибѣгли ко всѣмъ средствамъ искусства и укрѣпили его насколько это было возможно. Воля окружена была тройнымъ рядомъ, терасообразно расположенныхъ валавъ, наружная покатошь которыхъ, благодаря глинисто-песчаному грунту, скошена была почти подъ прямымъ угломъ. Рвы, размѣрами своими соотвѣтствуя самымъ большимъ крѣпостнымъ рвамъ, были вездѣ палисадированы, а наружный окруженъ, кромѣ того, тройнымъ рядомъ волчьихъ ямъ. Ключъ всѣхъ этихъ укрѣпленій составлялъ костель, который, какъ о томъ только что упомянуто, обращенъ былъ въ блокгаузъ. Польскій гарнизонъ состоялъ изъ 8-го и 10-го линейныхъ полковъ, и, сверхъ того, изъ самыхъ отчаянныхъ сорванцовъ революціи, воспитанниковъ академіи и фанатика Высоцкаго, который оказался, однако, достаточнымъ трусомъ, чтобы предпочесть плѣтъ смерти. Варискія пушки, подаренныя великодушнымъ Монархомъ польскому народу въ знакъ примиренія, защищали валы, и такимъ-то образомъ укрѣпленную Волю мятежники считали неприступною.

Между тѣмъ, Воля, гордая Воля была взята! Высоко, полное юношескихъ силъ, забьется сердце въ груди посѣдѣвшаго воина, когда онъ вспомнитъ тѣ славныя минуты, когда въ это время подсккавалъ къ нашимъ молодцамъ графъ Толь и въ восторгѣ обратился къ нимъ съ рѣчью о высокихъ ихъ подвигахъ, о достойной удивленія ихъ храбрости, и когда онъ вспомнитъ то воодушевленіе, съ которымъ молодцы приняли эту похвалу, требуя, чтобы ихъ вели на новые подвиги.

Теперь только показался фельдмаршалъ и, едва замѣченный, поблагодарилъ войска, которымъ, по распоряженію графа Толя, приня-

зано было расположиться у шинка близъ шоссе съ тѣмъ, чтобы докончить пачатое дѣло. Артилерія наша, подвигаясь все впередъ, заняла уже позицію въ разстояніи картечнаго выстрѣла. Казалось наступилъ послѣдній часъ Варшавы. Но столь твердое преслѣдованіе цѣли не было достояніемъ фельдмаршала (онъ былъ боязливымъ даже въ побѣдѣ). Напрасны были всѣ увѣщанія графа Толя, всѣ просьбы генераловъ, графа Палена и Крейца, чтобы воспользоваться этимъ благопріятнымъ мгновеніемъ и воодушевленнымъ состояніемъ войскъ. Фельдмаршалъ хотя и колебался, но однако хотѣлъ уже положительно превратить бой, какъ въ это время, получено было донесеніе, что сильныя непріятельскія колонны дебушируютъ противъ нашего праваго фланга.

Теперь то ему показалось яснымъ, будто инсургенты намѣрены всѣми своими силами атаковать нашъ правый флангъ, разбить его и, отбросивъ насъ отъ краковскаго шоссе, припереть къ нижней Вислѣ. Вслѣдствіе этого, привазавъ воодушевленными одержанными успѣхами войскамъ, мечтавшимъ уже о занятіи самой Варшавы, приостановить всякое дальнѣйшее наступательное дѣйствіе, фельдмаршалъ самъ поспѣшилъ со всею резервною кавалеріею на правый флангъ къ генералу Муравьеву, который между тѣмъ, согласно отданной ему инструкціи, отбросилъ уже поляковъ изъ Раковицъ и близлежащаго укрѣпленнаго шинка и этимъ удачно выполненнымъ дѣломъ не мало способствовалъ успѣхамъ дня. Такимъ же счастіемъ увѣнчались и дѣйствія генерала Штрапманна: пѣхота его, отважно атаковавшая деревню Шопы, выбила оттуда непріятеля и рѣшительно преслѣдовала его до Круливарни, подъ самыя выстрѣлы укрѣплешій, такъ что поляки, предполагая здѣсь главную атаку, поспѣшно стянули къ этому пункту весьма значительныя силы и съ трудомъ лишь, послѣ нѣсколькихъ часовъ боя, оттѣснили слабый егерскій полкъ обратно къ деревнѣ Шопы. Казаки тѣмъ временемъ, заняли Вилланово и стали доходить до Вислы къ Езерникамъ.

Такимъ образомъ, планъ дѣйствій противъ Варшавы выполненъ былъ съ полною послѣдовательностію и инсургенты введены были въ такое заблужденіе, что долго не знали съ какого пункта поведена будетъ главная атака, считая постоянно, что имъ угрожаетъ наибольшая опасность со стороны лѣваго ихъ фланга, т. е. Мокотова. Когда же со штурмомъ укрѣплешій Воли и взятіемъ послѣднихъ исчезло всякое сомнѣніе о выборѣ главнаго направленія атаки, то тогда лишь они со всею поспѣшностію стали сосредоточивать войска туда, гдѣ долженъ былъ послѣдовать рѣшительный ударъ; желая,

одвако, замедлить послѣдній возможно долѣе и въ тоже время разединить наше вниманіе, поляки сдѣлали демонстрацію, будто намерены въ сильныхъ колопнахъ дебушировать влѣво отъ іерусалимской заставы, противъ праваго фланга Муравьева, съ тѣмъ, чтобы въ дѣйствительности, главною массою своихъ войскъ кинуться въ это время къ сторонѣ Воли. Хитрость эта удалась имъ въполнѣ. Дѣйствительно, фельдмаршалъ вмѣсто того, чтобы, пользуясь смущеніемъ непріятеля и воодушевленнымъ состояніемъ нашихъ войскъ, отдать приказаніе къ штурму самой Варшавы, поспѣшилъ, какъ вышеупомянуто, со всею кавалеріею на нашъ правый флангъ, опасаясь быть атакованнымъ и отброшеннымъ отъ операціонной линіи въ сторону къ Модлину или къ Вислѣ. Между тѣмъ, когда мы прибыли къ Раковицамъ, непріятель, достигнувъ своей цѣли, сталъ обратно стягивать свои войска за укрѣпленія; фельдмаршалъ же, оставаясь при прежнихъ опасеніяхъ, не могъ никакъ рѣшиться оставить Муравьева.

Въ это время инсургентами сдѣлано было нѣсколько сильныхъ вылазокъ, съ цѣлью занять обратно Волю, но всѣ онѣ были съ урономъ отбиты карабинерами 1-й и 3-й гренадерскихъ дивизій, подъ личнымъ начальствомъ князя Шаховскаго, и подъ конецъ такъ сильно преслѣдовали непріятеля, что, въ пылу боя, стрѣлы наши дошли до городскихъ воротъ. Когда же, къ четыремъ часамъ, фельдмаршалъ вернулся обратно къ Волѣ, то непріятельскія колонны видны были лишь позади ихъ укрѣпленій и весь бой перешелъ въ сильную канонаду, причемъ въ предмѣстьи Чисте вспыхнуло нѣсколько пожаровъ.

Этимъ закончился день, въ который, конечно, сдѣлано было весьма много, но могло бы быть сдѣлано несравненно болѣе, если бы рѣшимость главкомадующаго соотвѣтствовала тѣмъ подвигамъ, на которые готовы были его подчиненные. Варшава со своими ослѣпленными защитниками, должна была быть взята нами 25-го августа, и то съ половиною тѣхъ потерь, которыя росли прогрессивно съ каждою минутой потеряннаго времени.

Фельдмаршалъ, съ своей стороны, рѣшилъ не предпринимать ничего болѣе на этотъ день; онъ думалъ, что имъ довольно сдѣлано, и вскорѣ, около шести часовъ вечера, на обширномъ полѣ битвы стала мало по малу водворяться тишина, пока, наконецъ, бой не умолкъ въполнѣ.

Генералъ-квартирмейстеръ арміи, генералъ-адъютантъ Нейдгартъ страдалъ въ это время такими сильными головными болями, что

графъ Толь принялъ на себя составленіе и выполненіе диспозиціи для слѣдующаго дня. Диспозиція эта, сущность которой не отличалась отъ наканунѣ отданной, заключала лишь нѣкоторыя измѣненія и перемѣщенія въ расположеніи войскъ и была собственно-ручно написана графомъ Толемъ и утверждена фельдмаршаломъ безъ малѣйшихъ измѣненій. Согласно оной, войска должны были продолжать штурмъ съ разсвѣтомъ, причемъ первый корпусъ лѣвѣй, а второй—правѣ калишскаго шоссе, остальные же войска въ прежнемъ порядкѣ. Въ отрядѣ генерала Муравьева присоединенъ былъ изъ войскъ генерала Штрадмана 4-й егерскій полкъ и кромѣ того, съ цѣлью прикрыть лѣвый его флангъ, 2-я бригада 3-й кирасирской дивизіи, между тѣмъ какъ первая бригада отдѣлена была къ князю Хилкову. Въ центрѣ общаго расположенія, въ видѣ резерва, оставлены были 1-я кирасирская и 3-я уланская дивизіи, гвардія и Атаманскій казачій полкъ.

Ночь войска провели нѣсколько отступя отъ занятыхъ ими укрѣпленій, большинство безъ шинелей и теплой пищи, многіе даже безъ куска хлѣба, такъ какъ нѣкоторые полки запаслись имъ лишь на одинъ день. Фельдмаршалъ со своимъ штабомъ возвратился въ деревню Влохи. Вдругъ, послѣ полупочи, въ главной квартирѣ поднялась суета; вскорѣ всѣ были на ногахъ и, собравшись у фельдмаршала, узнали, что къ нашимъ аванпостамъ прибылъ польскій генералъ Прондзинскій, и проситъ у него аудіенціи. Графъ Паскевичъ съ разсвѣтомъ отправился къ Волѣ, куда также приведенъ былъ съ завязанными глазами Прондзинскій. Приблизительно послѣ полутора часовъ, кончилось совѣщаніе, причемъ рѣшено было вести дальнѣйшіе переговоры съ предсѣдателемъ народнаго сейма Круковецкимъ, который къ десяти часамъ долженъ былъ прибыть къ шинку, около Воли. Когда послѣдній, въ условленный часъ, сталъ приближаться къ нашимъ аванпостамъ, то и фельдмаршалъ также сѣлъ на лошадь и со всѣмъ своимъ штабомъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу.

Свита Круковецкаго была многочисленна и заключала въ себѣ нѣсколько интересныхъ личностей. Совѣщаніе произошло въ полуразвалившейся комнатѣ шинка, и въ немъ приняли участіе: фельдмаршалъ, Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ, графы: Толь, Виттъ и генералъ Нейдгардъ,—а со стороны поляковъ—Круковецкій и Прондзинскій. Лица свиты обоихъ полководцевъ стояли около шинка, разсуждая между собою о предстоящихъ предметахъ.

Долгое время не было слышно ни слова изъ происходившаго внутри совѣщанія; прошелъ уже часъ, а между тѣмъ ни малѣйшая вѣсть не успокоивала нашихъ напруженныхъ ожиданій. Нетерпѣніе росло ежеминутно, тѣмъ болѣе, что въ медленности и во всемъ обращеніи инсургентовъ ясно видна была ихъ цѣль — выпграть необходимое время для прибытія послѣдовавшихъ къ нимъ на помощь подкрѣплешій. Въ словахъ и на лицахъ многихъ выражалось полное неудовольствіе противъ перѣшительности фельдмаршала. Наконецъ, услышанъ былъ громкій голосъ графа Толя: «Comment, vous acceptez le roi?—non, messieurs, vous vous soumettez sans réserve à la clémence de Sa Majesté l'Empereur votre Souverain légitime» (\*). Вскорѣ послѣ этого вышелъ и самъ графъ въ весьма раздраженномъ состояніи духа, причемъ, обращаясь къ ближайшимъ лицамъ своей свиты, онъ сказалъ: «здѣсь дѣло можетъ быть рѣшено однимъ оружіемъ». Крюковецкій, отъ имени поляковъ, объявлялъ на переговорахъ, что они тогда лишь подчинятся Государю, если будетъ восстановлена старая Польша по Дибрѣ. Требованіе это было, понятно, на столько смѣшнымъ, что не могло быть удостоено ни малѣйшаго вниманія. Видя это, онъ счумѣлъ, однако, весьма искусно затянуть переговоры, соглашаясь даже относительно нѣкоторыхъ вопросовъ, а подъ конецъ объявлялъ, что такъ какъ онъ, безъ согласія сейма, никакимъ образомъ не можетъ принять условій, предложенныхъ ему фельдмаршаломъ (условія эти были сообщены ему еще утромъ чрезъ Прондзипскаго), то настоятельно проситъ, чтобы послѣдній согласился дать ему отсрочку до часа пополудни, къ которому времени онъ навѣрно падѣется, что оба народа сойдутся уже, какъ друзья. Просьба эта была уважена ко всеобщему неудовольствію арміи. Между тѣмъ, пробѣлъ часъ; отвѣта не послѣдовало, и фельдмаршалъ рѣшился послать за отвѣтомъ. Спустя полчаса послѣ этого прибылъ адъютантъ Крюковецкаго и сталъ просить новой отсрочки, такъ какъ сеймъ пока еще ничего не рѣшилъ. Тутъ только фельдмаршалъ объявилъ, что онъ возьмется за оружіе; но, не смотря и на это (когда адъютанта уже болѣе не было), онъ никакъ не могъ рѣшиться тотчасъ отдать приказаніе къ наступленію. Лицо его ясно выражало самую полную перѣшительность. Онъ сѣлъ на лошадь и отправился къ Волѣ, думая, что успеетъ еще пообѣдать, а между тѣмъ промедленіемъ этимъ

(\*) «Какъ, вы соглашаетесь признать короли? — нѣтъ, господа, вы должны безусловно подчиниться милосердію Его Величества, Императора, нашего законнаго Государя».

скрыть свои колебанія. Въ это время показался Его Высочество Великій Князь и это рѣшило дѣло: всѣ сѣли на лошадей и, наконецъ, раздался столь петербургно ожидаемый сигналъ къ наступленію—выстрѣлъ вѣстовой пушки.

Тотчасъ же открылась канонада по всей линіи и бой начался среди грохота болѣе 200 орудій. Фельдмаршалъ со своею многочисленною свитою направился изъ Воли къ большому редуту, взятому наканунѣ. Въ то время какъ онъ проѣзжалъ мимо волчьихъ ямъ, расположенныхъ у исходящаго угла редута противъ Варшавы, ядро, павшию пущенное непріателемъ, ударилося около него въ рыхлую кучку земли, подскочило вверхъ и задѣло лѣвую его руку. Испуганная лошадь поднялась на дыбы и фельдмаршалъ блѣдный, съ искаженнымъ лицомъ, скатился на землю. Его тотчасъ же перепесли за укрѣпленіе и пустили кровь изъ посипѣвшей и опухшей руки.

Тѣмъ временемъ графъ Толь, стоя на валу редута, отдавалъ войскамъ необходимыя приказанія. Вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ полковникъ Мухомовъ и передалъ графу, что фельдмаршалъ, котораго перенесли въ деревню, лежащую въ разстояніи трехъ верстъ, поручаетъ ему неограниченное начальство надъ всею арміею. Канонада въ это время стала принимать все большіе размѣры, отдѣльныхъ выстрѣловъ уже нельзя было болѣе отличать и воздухъ, взволнованный будто голосомъ ада, содрагался отъ глухаго грохота и рева.

Исургенты, усилившіе въ теченіе ночи и утра свои батареи всякимъ орудіемъ, которое могло быть только употреблено ими въ дѣло, расположили между укрѣпленіями до 60 полевыхъ орудій и старались употребить всѣ средства, чтобы съ превосходствомъ отвѣчать огню нашей артилеріи. Стоя на валу редута съ сигарою во рту, слѣдя за ужасною картиною, среди которой казалось богъ войны праздновалъ свою вакханалію, графъ Толь разсылалъ свои приказанія, постепенно подвигая впередъ артилерію, находившуюся подъ начальствомъ князя Горчакова.

Въ эту минуту доложили о прибытіи генерала Прондзипскаго. Графъ не принявъ его, а приказалъ проводить къ фельдмаршалу.

Бой длился уже болѣе часа, когда, подобно тому какъ наканунѣ, показались опять противъ нашего праваго фланга сильныя колонны пѣхоты и кавалеріи, по всей вѣроятности съ прежней же цѣлью, отвлечь наше вниманіе отъ главнаго пункта и въ тоже время взять во флагъ всю лѣвую нашу артилерію. Чтобы воспрепятствовать этимъ намѣреніямъ и впредь заставить непріятеля отказаться отъ

подобныхъ замысловъ, отдано было приказаніе генералу Муравьеву начать наступленіе, а для прикрытія праваго фланга нашей артилеріи высланы были три конныхъ батареи.

Едва получено было генераломъ Муравьевымъ приказаніе къ наступленію, какъ впереди лежавшее укрѣпленіе было уже въ нашихъ рукахъ. Но въ то время какъ молодцы гренадеры, въ особенности Луцкій полкъ, въ пылу боя, черезчуръ увлеклись въ своемъ натискѣ, на нихъ вдругъ бросились спрятанные до того за шинкомъ инсургенты и, во главѣ обезславленнаго своего гренадерскаго полка, атаковали ихъ съ фронта и лѣваго фланга, между тѣмъ какъ кавалерія кинулась на правый. Подоспѣвшій было къ нимъ на помощь Новгородскій кирасирскій полкъ, бросившись на непріятельскую конную батарею, долженъ былъ отступить съ значительнымъ уропомъ и уже Луцкій полкъ былъ окруженъ, взято было два орудія, когда гвардейскіе драгуны и гусары, подъ начальствомъ Ностица, съ безпримѣрною храбростію вѣзались въ ряды уланъ и обратно погнали ихъ до самыхъ городскихъ воротъ.

Когда графъ Толь замѣтилъ эту суматоху и нѣкоторое при томъ смятеніе нашихъ войскъ, то съ величайшимъ хладнокровіемъ приказалъ графу Витту принять начальство надъ правымъ флангомъ, который въ тоже время усиленъ былъ 2-ю бригадою 2-й гусарской дивизіи и 4-й бригадою гвардейской пѣхоты.

По приведеніи въ исполненіе этихъ распоряженій, нѣкоторые генералы, и въ числѣ ихъ генералъ Нейдгардъ, доложили графу, не лучше ли бы было, въ виду того, что день уже на исходѣ, отложить штурмъ до слѣдующаго утра. Хладнокровно выслушавъ эти мѣнія, графъ Толь со словами «теперь или никогда!» отдалъ приказаніе къ штурму, поручивъ въ тоже время генералу Нейдарту пододвинуть гренадерскій корпусъ и расположить его согласно отданныхъ приказаній. Вслѣдъ за этимъ, сѣвъ на лошадь, графъ поѣхалъ на встрѣчу поспѣшавшимъ штурмовымъ колоннамъ. Въ лицѣ его ясно отражались славное спокойствіе воина, рѣшительно избравшаго побѣду или смерть.

Величественно и грозно, съ барабаннымъ боемъ и распушенными знаменами, приближались штурмовыя колонны подобно высокой морской волнѣ, грозно катящейся впередъ, пока она не разобьется и брызгами в пѣной своей не обдастъ крутаго утеса.

Двумя колоннами: лѣвая, полковника Липранди, изъ 1-й бригады 11-й пѣхотной дивизіи, правая, генерала Малповскаго, изъ 2-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи, подъ общимъ начальствомъ генерала

Крейца, находившагося во главѣ своихъ молодцовъ, начата была атака двухъ редутовъ, расположенныхъ вправо отъ калишскаго шоссе; въ резервѣ за этими войсками слѣдовали двѣ бригады 2-й гренадерской дивизіи подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Полукетова, остальная же часть гренадерскаго корпуса присоединена была къ графу Палену, а вся гвардія, за исключеніемъ 5-й бригады, оставленной для прикрытія Волы, притянута была въ третью линію. Одновременно съ этимъ, артиллерія, сплывшись съ позиціи, подсакала къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ на разстояніе ружейнаго выстрѣла и стала обдавать ихъ градомъ картечи. Прикрытая смертоносными орудіями, лѣвая колонна первая бросилась бѣгомъ на штурмъ указанного ей редута, оставляя за собою смерть въ сотняхъ и сотняхъ павшихъ жертвъ. Инсургенты поспѣшили было на встрѣчу съ нѣсколькими баталіонами со стороны калишскаго шоссе, но, замѣтя въ то же время наступленіе колонны графа Палена, повернули назадъ. Въ нѣсколько минутъ, безъ выстрѣловъ, по воткнутымъ въ валъ штыкамъ, взобрался въ редутъ Елецкій полкъ и впереди всѣхъ, со знаменемъ въ рукахъ, полковникъ Липранди; гарнизонъ былъ частью перебитъ, частью же загнанъ въ сады предмѣстья. Такимъ же успѣхомъ увѣнчались и дѣйствія войскъ генерала Малиновскаго.

Когда графъ Толъ, чрезъ пишущаго эти строки, донесъ объ этомъ счастливомъ результатѣ фельдмаршалу, то послѣдній находился въ трехъ верстахъ отъ поля битвы, въ своей коляскѣ, окруженный подушками. Выслушавъ донесеніе и, вслѣдъ за тѣмъ, перекрестясь, онъ отвѣтилъ: «слава Богу! доложите графу, что я не могу передавать ему никакихъ приказаній, пусть онъ дѣйствуетъ вполне по своему усмотрѣнію!»

Между тѣмъ, въ геройскомъ соревнованіи, и войска графа Палена совершили блистательные подвиги.

Одновременно со вторымъ корпусомъ, двинута была въ атаку и 1-я карабинерная бригада, подъ начальствомъ генералъ-маіора Брюггена, поддержанная 2-ю бригадою 3-й гренадерской дивизіи, въ резервѣ за которою слѣдовали двѣ бригады 3-й пѣхотной дивизіи. Правѣ этой колонны, между шоссе и корпусомъ Крейца, къ предмѣстью Волы подступилъ генералъ-лейтенантъ Набоковъ съ остальными полками 3-й гренадерской дивизіи, а вслѣдъ за нимъ, съ 2-ю бригадою 1-й гренадерской дивизіи, слѣдовалъ князь Шаховской. 1-я и 2-я пѣхотныя дивизіи, сильно истощенныя боемъ предшествовавшаго дня, оставлены были для занятія Волы.

Бригада генерала Брюггена кинулась подъ самымъ ужаснымъ кар-

течинымъ и ружейнымъ огнемъ, вдоль калишскаго шоссе, на штурмъ бастиона, лежавшаго вдоль шоссе и впереди мельницъ. Въ пѣсколько мгновеній укрѣпленіе это не только было обойдено и занято, но давшій тылъ непріятель былъ выбитъ и изъ кладбища, окруженнаго каменною съ бойницами стѣною, за которою онъ тщетно старался удержаться. Неудержимые, увлеченные восторгомъ успѣха, карабинеры кинулись и на второй, лѣвѣ стоявшій, редутъ; бессильнымъ было всякое сопротивленіе.... Къ сожалѣнію, здѣсь былъ убитъ генералъ Брюггенъ. Захваченные редуты были тотчасъ заняты полками 3-й пѣхотной дивизіи и на брустверѣ ихъ устроены сплывныя батареи противъ предмѣстья Воли, которое, не смотря на упорное сопротивленіе, было уже частью занято гренадерами генерала Набокова. Такихъ же блистательныхъ результатовъ достигли и побѣдоносныя гренадеры генерала Муравьева, въ рукахъ котораго находилось уже пять непріятельскихъ редутовъ. Угасали уже послѣдніе лучи заходящаго солнца. Многие думали, что графъ Толь удовольствуется достигнутымъ, и приостановитъ дальнѣйшее наступленіе, но могъ ли остановиться среди побѣдъ тотъ, кто твердо избралъ овладѣніе Варшавой или смерть? Итакъ, отдавъ былъ приказъ къ штурму городского вала и честь эта предоставлена была войскамъ корпуса генерала Крейца.

Къ городскому валу, защищенному широкимъ ровомъ и девятью редутами, вели узкія извилистыя дорожки среди густыхъ садовъ, заборовъ и плетней, мимо домовъ и каменныхъ стѣнъ, за которыми самое небольшое число стрѣлковъ могло остановить цѣлыя колонны; старанія же артиллеристовъ провести здѣсь свои орудія оставались тщетными. Управление атакою въ этомъ лабиринтѣ поручено было графомъ Толемъ генералу Нейдгарту, и князю Горчакову. Колонны двинулись впередъ, имѣя во главѣ своихъ застрѣльщиковъ. Графъ Толь проѣхалъ мимо колоннъ, поблагодарилъ за достигнутые успѣхи, весело ободряя къ новымъ геройскимъ подвигамъ. Тутъ онъ увидѣлъ 11-й егерскій полкъ: «Здорово, мои кулевчинскіе герои! Вспомните тотъ достопамятный день, когда вся армія съ гордостью любовалась вами, а сегодняшняя побѣда также въ вашихъ рукахъ! Ну, съ Богомъ, ребяташки!» Съ этими словами обнялъ онъ полковника Севастьянова, и въ глазахъ его блеснула слеза восторга. Чье же сердце могло этому противостоять! Съ громкими криками «ура» поспѣшили впередъ егеря на штурмъ городского вала и валъ остался за героями Кулевчи, а на немъ Севастьяновъ съ тремя пулями въ груди.

Стрѣлковый огонь приближался все ближе и ближе къ городу, и,

не смотря на самое стойкое сопротивленіе, поляки всюду должны были уступить; значительная часть городского вала была уже въ нашихъ рукахъ. Противъ Чисте стояли на немъ войска Липранди, вправо, занявшая штурмомъ каменную стѣну, бригада генерала Малиновскаго, а рядомъ съ нею 11-й егерскій полкъ. Недалеко, однако, отъ этихъ пунктовъ, у Иерусалимской заставы, и въ предмѣстьи Воли кипѣла еще ожесточенная борьба. Наконецъ, около восьми часовъ вечера, среди пылающаго предмѣстья, удалось гренадерамъ захватить Вольскую заставу и городской валъ. Величественъ былъ видъ этой ужасающей картины среди почнаго сумрака. Предмѣстья Варшавы, сторона Воли и Чисте, были объаты яркимъ пламенемъ, которое, высоко вздымаясь по свѣтлому, звѣздному небу, волшебнo освѣщало всю окрестность и наши войска, тогда какъ надъ мятежнымъ городомъ тянулись густыя сумрачныя облака черпаго дыма. Среди треска и шипѣнья этого колыхавшагося, справа на лѣво, огнепаго моря, среди грохота обрушившихся зданій и грома пушечной пальбы, рѣзко отдѣлялись, подобно ударамъ топора, безостановочно раздававшіеся ружейные выстрѣлы, придававшіе страшную жизнь этой картиной сценѣ. Поляки, однако, еще мужественно боролись у Иерусалимской заставы, для атаки которой, по распоряженію князя Горчакова, направлена была съ фронта 2-я карабинерная бригада, а съ фланга и тыла гренадерскіе полки: Киевскій, принца Евгенія Виртембергскаго и гвардейскій Филиппскій. Но, изнемогая отъ усталости, князь Горчаковъ долженъ былъ передать дальнѣйшее руководство боемъ генералу Малиновскому, который, въ десяти часовъ вечера, и овладѣлъ окончательно этимъ столь упорно защищаемымъ пунктомъ. Городской валъ захватъ былъ теперь нашими войсками въ слѣдующемъ порядкѣ: у Иерусалимской заставы генералъ Полукетовъ, правѣе—генералъ Муравьевъ, лѣвѣе до Вольскаго предмѣстья—второй пѣхотный корпусъ; въ этомъ предмѣстьи и у заставы расположены были гренадеры князя Шаховскаго и Набокова; а лѣвѣе—городской валъ захватъ былъ войсками графа Палена, причемъ, однако, непріятель окончательно очистилъ валъ лишь къ полуночи. Одновременно съ дѣйствіями главныхъ силъ, на оконечности нашего праваго фланга кавалерія генерала Штрапфмана тревожила непріятеля, на сколько то было возможно, и заняла не только Черняковъ, Круливарню и Мокотовъ, но ночью заняла даже и нѣсколько редутовъ у самаго городского вала. Столь же успѣшны были дѣйствія и нашего лѣваго фланга, подъ начальствомъ князя Хилкова, который, развлекая вниманіе непріятеля, а въ особенности удачнымъ

дѣйствиємъ своей артилеріи, оказалъ немалую помощь успѣхамъ графа Палена.

Съ закатомъ солнца графъ Толь переѣхалъ въ первому трофею этого дня, въ редутъ, лежащій впереди Чпсте, разсылая уже отсюда, къ концу боя, свои приказанія, взамѣнъ получаемыхъ со всѣхъ сторонъ донесеній объ одержанныхъ успѣхахъ. При свѣтломъ лунномъ освѣщеніи, продиктовалъ онъ диспозицію къ слѣдующему дню. Согласно послѣдней, въ теченіе ночи, одна половина войскъ могла отдыхать, другая же должна была находиться подъ ружьемъ, выдвинувъ свои аванпосты, отнюдь не далѣе 50 шаговъ отъ городского вала и притомъ избѣгая всякихъ дальнѣйшихъ стычекъ. Между тѣмъ, саперамъ приказано было прорѣзать въ городскомъ валу возможно большее число амбразуръ, которыя до разсвѣта и должны были быть вооружены орудіями. Резервы были придвинуты, кавалерія, по преимуществу, сосредоточена на флангахъ, словомъ приняты были всѣ мѣры и сдѣланы всѣ распоряженія, чтобы съ раннимъ утромъ продолжать штурмъ и окончательно овладѣть Варшавою.

Тѣмъ временемъ наступила уже полночь; иногда вслыхивало еще пламя потухавшаго пожара, по гулъ орудій замолкалъ постепенно — и лишь нарядка нарушалась ночная тишина пушечнымъ или ружейнымъ выстрѣломъ. Это были отдѣльныя, безсмысленныя попытки инсургентовъ вновь завладѣть отнятымъ у нихъ валомъ.

Настало утро 27-го августа. Полнѣйшее безмолвіе царило въ городѣ и вдоль всей боевой линіи. Въ иномъ положеніи находились дѣла въ Волѣ, гдѣ фельдмаршалъ провелъ всю ночь въ переговорахъ съ инсургентами. Графъ Толь въ четыре часа утра пріѣхалъ къ войскамъ, которыя были уже выстроены, съ терпѣніемъ ожидая приказанія къ дальнѣйшему штурму. Съ аванпостовъ нашихъ и отъ казаковъ, пропикавшихъ въ самый центръ города, получены были, однако, донесенія, что непріятель отступаетъ на всѣхъ пунктахъ. Вскорѣ, затѣмъ, прибывшій отъ фельдмаршала адъютантъ извѣстия графа Толя о капитуляціи Варшавы.

Исполнившему такъ славно данный обѣтъ, вернувшему клятвенно-преступный городъ молящимся о пощадѣ къ ногамъ Монарха, оставалось лишь одно — сообщить своимъ вѣрнымъ сподвижникамъ результаты ихъ геройскихъ подвиговъ и храбрости — невольно вырвавшей даже у одного изъ непріятелей слова: «*Je n'ai pas su, qu'une telle bravoure etait encore de notre siècle* (\*)».

(\*) «Я не думалъ, чтобы подобная храбрость была еще достояніемъ людей нашего вѣка».

Вдохновенная рѣчь, съ которою графъ Толь обратился къ героямъ Варшавы, могла быть сравнена лишь съ тѣми словами, съ которыми великій гений судьбы обращался къ войскамъ своей италіанской арміи.

Но тутъ умолкаетъ безсильное перо; то, что испытала въ эти незабвенныя минуты гордая грудь русскаго воина, того не въ силахъ выразить слова, равно какъ зависть и непріязнь никогда не сплмутъ лавроваго вѣнка, увѣнчавшаго штурмомъ Варшавы чело славнаго воина.

*Перевела съ нѣмецкаго М. фонъ-деръ-Лауницъ.*

---